

Перри Андерсон

ВСЕ ТАМ ЖЕ

О ФРЭНСИСЕ ФУКУЯМЕ
И ЕГО «АМЕРИКЕ НА РАСПУТЬЕ»¹

Война в Ираке длится уже три года и вряд ли закончится в обозримом будущем, а внешнеполитический истеблишмент всюду занимается самокритикой. Из рассуждений о вторжении можно собрать библиотеку. Но немногие из них удостоились большего внимания, чем размышления Фрэнсиса Фукуямы. Одной из причин этого, конечно, является известность автора «Конца истории и последнего человека». Еще одной и, несомненно, более важной причиной служит *frisson* от известного выхода из рядов неоконсерваторов. Но рассмотрение «Америки на распутье» просто как политического флюгера, хотя она, конечно, таковым и является, неизбежно означает недооценку ее интеллектуальной значимости. Речь идет, прежде всего, о ее связи с работой, которая сделала Фукуяме имя.

Аргументация «Америки на распутье» делится на три части. В первой Фукуяма прослеживает возникновение современного неоконсерватизма. Его повествование начинается с когорты нью-йоркских интеллектуалов, преимущественно еврейского происхождения, которые в юности были социалистами, но с началом холодной войны стали патриотами и затем решительно выступили против «новых левых» после того, как Соединенные Штаты начали борьбу с коммунизмом во Вьетнаме. Со временем они предложили и свою социальную программу: критику либерализма государства всеобщего благосостояния, изложенную в журнале *Public Interest*, выпускавшемся под редакцией Ирвинга Кристола и Дэниела Белла. Тем временем философскую глубину моральной реакции на вялость и неопределенность 1960-х годов придал Лео Штраус в Чикаго, а культурную — его ученик Аллан Блум. За военные и технические вопросы отвечал ядерный стратег Альберт Вольштеттер, теоретик ответного ракетного удара и пророк электронной войны. Фукуяма объясняет, каким образом ему довелось участвовать во всем этом. Но его объяснение чересчур спокойно и уравновешенно, и, возможно, в нем недооценивается потенциал политического коктейля, замешанного ими. Особое

1 Perry Anderson. Inside Man // *The Nation*. April 24, 2006.

внимание уделяется окончательному слиянию с более широкими и популярными течениями неоконсерватизма — вера в небольшое правительство, религиозное благочестие, национализм — на базе Республиканской партии. Вместе они образовали политический поток, который привел к власти президента Рейгана.

Но величайший триумф консервативного влияния — победа в холодной войне — содержал в себе, по его утверждению, семена того, что привело к гибели неоконсерватизма. Ибо падение Советского Союза вселило в них веру в способность Америки изменить весь мир. Переоценив роль американского экономического и военного влияния на внезапный крах СССР, на самом деле разложившегося изнутри, плеяда молодых мыслителей — среди них наиболее заметны Уильям Кристол и Роберт Кейган — посчитала, что и в других странах без особых усилий удастся побороть тиранию и насадить свободу. Именно эта иллюзия, согласно Фукуяме, и привела к нападению на Ирак. Игнорируя не только совершенно иной политический ландшафт Ближнего Востока, но и предостережения старших неоконсерваторов насчет опасности чрезмерного волонтаризма в социальной инженерии, разработчики вторжения заварили такую кашу, расхлебывать которую придется не один год. Ненужное обращение к одностороннему применению силы изолировало Америку от мирового общественного мнения и, прежде всего, от ее европейских союзников, тем самым ослабив, а не усилив положение США в мире.

Оставшаяся часть книги посвящена описанию альтернативной внешней политики, которая вернет Америке ее законное место в мире. В «реалистическом вильсонизме», сочетающем лучшее из того, что есть в неоконсерватизме, с более глубоким пониманием границ американского могущества и не слишком большой податливости других культур, сохранится потребность в упреждающей войне как последнем средстве и распространении демократии по всему миру как неизменной цели. Но Америка должна обсуждать эти вопросы с союзниками, опираться в большей степени на мягкую, чем на жесткую силу, вести государственное строительство с учетом социальной науки и содействовать распространению новых, частично пересекающихся форм многостороннего подхода, избегая тупиков Организации Объединенных Наций. «Американское могущество, — заключает Фукуяма, — должно проявляться не в использовании военной силы, а в способности Соединенных Штатов создавать международные институты». Ибо они позволяют «сократить транзакционные издержки на достижение согласия» с американскими действиями.

В трехчастной структуре «Америки на распутье» — сжатая история неоконсерватизма; критика вторжения в Ирак; предложения по исправлению ситуации — основные трудности связаны со второй частью. Описание Фукуямой среды, к которой он принадлежал, и его роли в подготовке к войне взвешено и информативно. Но этот взгляд изнутри содержит оптическую иллюзию. Все складывается так, словно неоконсерваторы были основной движущей силой в наступлении на Багдад, а чтобы Америка вернулась на истинный путь, нужно исправить их идеи.

На самом деле фронт мнений, который требовал нападения на Багдад, был намного шире отдельной фракции республиканцев. Он включал многих либералов и демократов. Наиболее детальное описание подготовки к нападению на Саддама Хусейна было сделано Кеннетом Поллаком, функционером из администрации Клинтона. Наиболее подробное теоретическое изложение программы американского военного вмешательства для уничтожения режимов-изгоев и защиты прав человека во всем мире содержалось в работе Филипа Боббита, племянника Линдона Джонсона и еще одного — более влиятельного — представителя аппарата национальной безопасности при Клинтоне. По сравнению с его 900-страничным *magnus opus* «Щит Ахиллеса», трудом с огромными историческими амбициями, завершающимся рядом драматических сценариев грядущих войн, к которым должна готовиться Америка, авторы из *Weekly Standard* выглядят очень бледно. Ни один неоконсерватор не создал ничего даже отдаленно похожего на это. На либеральном конце спектра не было нехватки и в менее крупных идеологах — игнатъеффых и берманах — для экспедиции на Ближний Восток. Война демократов на Балканах, наплевавшая на национальный суверенитет, была непосредственным условием и испытательным полигоном для войны республиканцев в Месопотамии — геноцид в Косово ненамного превысил разрушения от оружия массового поражения в Ираке. Действия того, что Фукуяма однажды, случайно проговорившись, назвал «американской заморской империей», исторически были двухпартийными и до сих пор остаются таковыми.

Кроме того, неоконсервативные интеллектуалы были всего лишь одним, причем не самым важным, элементом конstellляции, которая толкала администрацию Буша в Ирак. Из шести «Вулканов» в авторитетном исследовании Джеймса Манна, посвященном тем, кто проложил путь к войне, только Пол Вулфовиц — первоначально демократ — принадлежит к описанной Фукуямой среде. Среди ключевых фигур, принявших участие в разработке и обосновании нападения (Рамсфельд, Чейни и Райс), не было ни одного сторонника неоконсерватизма. Фукуяма знает об этом, но не предлагает никакого объяснения, просто замечая, что «нам не известны источники их мировоззрения». Какое же место занимает он сам в этой галактике? Здесь — и, надо признать, это для него нетипично — он занимается «причесыванием» фактов. В обманчиво каузальной манере он говорит, что, несмотря на его первоначально «ястребиную» позицию по Ираку в те времена, когда ни о каком вторжении никто и не помышлял, после того, как оно началось, он выступил против него.

Здесь память его подводит. В июне 1997 года Фукуяма вместе с Рамсфельдом, Чейни, Дэном Куэйлом, Вулфовицем, Скутером Либби, Залмеем Халильзадом, Норманом Подхорецем, Эллиоттом Абрамсом и Джебом Бушем стал основателем «Проекта за новый американский век», в программе которого содержался призыв к «рейгановской политике военной силы и моральной чистоты» для «продвижения дела политической и экономической свободы за рубежом». В январе 1998 года он был в числе восемнадцати подписавших открытое письмо от «Проекта» Клинтону, в котором говорилось о необхо-

димости «предпринять военные действия» для «отстранения режима Саддама Хусейна от власти», а также о том, что «по существующим резолюциям ООН, США обладают всеми полномочиями, которые требуются для совершения необходимых шагов». Четыре месяца спустя он был одним из тех, кто назвал отсутствие таких действий «капитуляцией перед Саддамом» и «неожиданным ударом по американскому лидерству и доверию» и разъяснил, какие нужно было принять меры против режима БААС: «Нам следует оказать помощь в создании и поддержке (экономическими, политическими и военными средствами) временного, представительного и свободного правительства» в «освобожденных областях на севере и юге Ирака» под защитой «военной силы США и союзников». Иными словами, речь шла о вторжении для установления режима Чалаби в Басре или Наджафе и, опираясь на него, о свержении Саддама.

При Буше «Проект» — его ряды теперь пополнились сторонниками из числа ветеранов Демократической партии (Стивен Соларз и Маршалл Уитманн, ныне входящие в Совет демократического руководства) — вернулся к теме решительных действий, а Фукуяма вновь выступил за нападение на Ирак. 20 сентября 2001 года, спустя чуть больше недели после событий 11 сентября, он поставил свою подпись под открытым призывом к войне, в котором ничего не говорилось ни о связях с Аль-Каидой, ни о призраке оружия массового поражения:

Возможно, иракское правительство оказало определенную помощь в подготовке недавнего нападения на Соединенные Штаты. Но, несмотря на отсутствие свидетельств, подтверждающих непосредственную связь Ирака с этим нападением, любая стратегия, направленная на уничтожение терроризма и его спонсоров должна включать решительные усилия по отстранению Саддама Хусейна от власти в Ираке. Неспособность предпринять такие усилия станет поспешной и, возможно, безоговорочной капитуляцией в войне с международным терроризмом. Поэтому Соединенные Штаты должны оказать полную военную и финансовую поддержку иракской оппозиции. Американская военная мощь должна быть использована для создания «безопасной зоны» в Ираке, из которой сможет действовать оппозиция. И американские вооруженные силы должны быть готовы поддержать иракскую оппозицию всеми необходимыми средствами.

Кроме того, подписавшиеся добавили, что «любая война против терроризма должна быть нацелена на Хезболла» и что нужно быть готовыми принять «соответствующие меры возмездия» против Сирии и Ирака как ее спонсоров.

Мы напомнили об этом походе «железом и кровью» на Ближний Восток не для того, чтобы как-то «изобличить» Фукуяму. В конце концов, зеленый свет войне в Ираке был дан конгрессом при единодушной поддержке обеих партий. Но сегодняшнее умаление Фукуямой своей роли в кампании против Багдада поднимает один важный вопрос: почему, если он изначально был так предан авантюре в Ираке, он так резко порвал со своими бывшими интел-

лектуальными союзниками? Беды оккупации, конечно, наиболее очевидная причина — все твари божьи, большие и не очень, бегут с корабля, когда он начинает тонуть. Но это не может быть основным объяснением смены взглядов у Фукуямы. Он утверждает, что утратил веру во вторжение еще до начала войны, и у нас нет никаких оснований не доверять ему. К тому же, разочарование в недостаточной практической успешности предприятия, считавшегося в принципе достойным одобрения, не редкость среди консерваторов, и обычно оно не ведет к исторической критике и разрыву, предпринятому Фукуямой. Можно даже сказать, что операция «Иракская свобода» пошла не так и даже, ретроспективно, была изначально ошибочной, но для этого не обязательно писать некролог неоконсерватизму. Что же вызвало такое расхождение между Фукуямой и его соратниками?

«Америка на распутье» и его статья «Неоконсервативный момент», опубликованная ранее в *National Interest*, позволяет выделить две причины раскола. В отличие от своих соратников-евреев, Фукуяма не слишком был предан Израилю. В статье из *National Interest* он сожалел не столько о фактическом подчинении целей Америки на Ближнем Востоке целям Израиля, сколько о принятии многими его товарищами израильского взгляда на арабский мир. Его критика была достаточно тактична, но она встретила жесткий ответ. Чарльз Краутхаммер заявил, что Фукуяма нашел «новый способ еврейзации неоконсерватизма», не такой грубый, как клеветнические измышления Пата Бьюкенена и Махатхира Мухамада, но столь же нелепый. В результате Фукуяме пришлось отбиваться от обвинений в антисемитизме. Обжегшись на этой дискуссии и зная об общей деликатности темы, Фукуяма не стал возвращаться к ней в «Америке на распутье», пояснив, что мировоззрение, которое он критиковал, «хотя и присутствует у отдельных людей, не может быть приписано неоконсерваторам вообще», и заявив — в качестве жеста примирения — об общей поддержке политики администрации по отношению к Палестине. И все же, несмотря на весь этот политес, его высказывания не остались незамеченными.

Но, конечно, более важным было еще одно соображение. Посещение Европы летом 2003 года, по словам Фукуямы, открыло ему глаза на озабоченность, которую испытывают многие, даже самые верные союзники Америки в связи с односторонней политикой президента Буша. В этом отношении показательно неудовлетворение, высказанное таким столпом атлантизма, как редактор газеты *Financial Times*. Не слишком ли высока цена, которую Соединенным Штатам пришлось заплатить за свою внешнюю политику? В отличие от Израиля, о котором после краткого замечания в самом начале книги больше почти ничего не говорится, Европа занимает важное место в рассуждениях Фукуямы. Он обеспокоен ее реакцией на действия администрации Буша и полагает, что раскол, вызванный войной в Ираке, — это не просто случайная ссора. Это «тектонический сдвиг» в западном альянсе. Миллионы людей, вышедшие на улицы Европы, обнаружили «невиданное прежде единодушие в одном общем вопросе. Именно поэтому бывший министр финансов Франции Доминик Стросс-Кан назвал демонстрации

“рождением европейской нации”». Антиамериканизм пышным цветом расцвел по ту сторону Атлантики и поставил под угрозу единство Запада.

Несмотря на распространенность таких опасений сегодня, они слабо связаны с реальностью. Европейское неприятие войны было широким, но не глубоким. Подготовка к вторжению вызвала широкое неприятие, но когда оно все же произошло, за этим ничего не последовало. Выступления против оккупации были немногочисленными и сильно отличались от глобальной волны протеста, вызванной войной во Вьетнаме. По опросам, британское правительство, принявшее участие в американском нападении, никак не пострадало от этого. Правительство Германии, выступившее против вторжения, вскоре начало закулисное сотрудничество, предоставляя информацию о целях в Багдаде и взаимодействуя с ЦРУ. Французское правительство, которое безуспешно пыталось переиграть Соединенные Штаты в Совете Безопасности, по сути, побудило Белый дом действовать без новой резолюции и тесно сотрудничало с Вашингтоном при установ-

лении подходящих режимов на Гаити и в Ливане. Все имеют единую позицию по Ирану. Враждебное отношение Европы к нынешнему президенту Соединенных Штатов обусловлено скорее уязвленным самолюбием, чем подлинным недовольством. Возмущение вызывало явное пренебрежение дипломатическими тонкостями и предпочтение, отдававшееся не приемлемым порокам, а мнимым добродетелям. Элиты и массы, тра-

ДОКТРИНЕ БУША УГРОЖАЕТ
ГОТОВНОСТЬ СОПРОТИВЛЯТЬСЯ,
А ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ – СЛАБЫЙ
ПОБОЧНЫЙ ЭФФЕКТ

диционно сложно обставлявшие свое согласие с американцами, обиделись на правительство, которое перестало с ними считаться. Это недовольство, скорее, вопрос стиля, чем сути, и оно пройдет с возвращением к внешним приличиям. Клинтонская реставрация, несомненно, привела бы к скорому и восторженному воссоединению Старого Света с Новым.

Здесь Краутхаммер оказался пронизательнее своего критика. Отвергнув тревогу Фукуямы насчет того, что внешняя политика Соединенных Штатов находится под угрозой вследствие утраты международной легитимности, он справедливо заметил, что угроза состоит не в отсутствии одобрения со стороны ЕС или резолюций ООН – таких бумажек, как он сказал, у США полно, – а в повстанческом движении в Ираке. Доктрине Буша угрожает готовность сопротивляться, а все остальное – слабый побочный эффект. Если бы не повстанцы, захват Ирака беспокоил бы европейское общественное мнение не сильнее, чем захват Панамы.

Заблуждение Фукуямы насчет европейских настроений кажется теперь очевидным. Но, с другой стороны, его взгляд на исламский фундаментализм освежающе нетрадиционен и заметно отличается от представлений его собственного окружения и не только. По сравнению с крупнейшими историче-

скими противниками капиталистической демократии — фашизмом и коммунизмом, Аль-Каида и связанные с ней организации очень незначительная сила. Не имея оружия массового поражения, они не способны причинить сколько-нибудь серьезный вред американскому обществу, не говоря уже о том, чтобы стать глобальной угрозой либеральной цивилизации. Объявление всеобщей «войны против терроризма» является бессмысленным раздуванием значимости точечных действий, необходимых для уничтожения горстки фанатиков, которые грезят о новом халифате. Паника относительно незначительной угрозы может привести к серьезным просчетам и ее следует избегать прежде всего американцам, для которых риск пострадать от дальнейших нападений после 11 сентября значительно меньше, чем для европейцев с их крупными анклавами мусульманских иммигрантов.

Эта крепость задним умом появилась после множества истерических выкриков в открытых письмах, но это еще одна типичная черта работ Фукуямы, тон которых обычно спокоен и прохладен. Его суждение возвращает нас к логике его сочинений в целом. Знаменитая идея «Конца истории и последнего человека» заключалась в том, что с поражением коммунизма после поражения фашизма дальнейшее улучшение либерального капитализма как формы общества невозможно представить. Мир все еще полон конфликтов, которые и дальше будут вызывать непредсказуемые события, но они не способны отменить этот вердикт. Нет никаких гарантий того, что человечество во всех уголках света вскоре придет к преуспевающей мирной демократии, основанной на частной собственности, свободных рынках и регулярных выборах, но эти институты представляют собой конечный пункт исторического развития. Конец социальной эволюции уже виден, но не следует обольщаться, поскольку вместе с ним неизбежно наступит ослабление идеальных противоречий, возможно, даже определенная *tedium vitae*. Можно предсказать ностальгию по более опасным и героическим временам.

Философская основа для этой конструкции взята, как поясняет Фукуяма, из пересмотра гегельянской диалектики признания русским эмигрантом во Франции Александром Кожевым, считавшего, что итогом вековой борьбы между господами и рабами — социальными классами — должно стать окончательное состояние равенства, «универсальное и однородное государство», которое приведет историю к завершению: идея, сначала отождествлявшаяся им с социализмом, а позднее с капитализмом, но это всегда делалось с неуловимой иронией. Фукуяма принял эту повествовательную структуру, но в ее основу положил совершенно чуждую для Кожева онтологию человеческой природы, заимствованную у Платона и связанную с консерватизмом Штрауса. Кожев и Штраус ценили друг друга как собеседники и имели много интеллектуальных точек соприкосновения, но политически — и метафизически — они были далеки друг от друга. Штрауса, твердого правого мыслителя, не интересовал Гегель, не говоря уже о Марксе. С его точки зрения, логическим итогом развития концепций свободы и равенства у Кожева может быть только уравниловка и планетарная тирания. Он верил в обособленные режимы и естественную иерархию.

И, как следствие, в предложенном Фукуямой синтезе этих двух источников всегда существовало противоречие. В последние годы холодной войны, когда он соединил эти концепции, это могло оставаться незамеченным, потому что универсальные интересы демократического капитализма, по общему признанию, оберегались без больших усилий *Pax Americana*: между свободным миром и гегемонией Соединенных Штатов не было серьезных противоречий. Но после того как коммунизм в России был полностью уничтожен, а в Китае — кастрирован, сложилась новая ситуация. С одной стороны, не было больше общего врага, способного заставить другие капиталистические государства покорно принять главенство Соединенных Штатов. С другой стороны, исчезновение СССР значительно расширило сферу деятельности Америки. Таким образом, именно тогда, когда потребность в гегемоне для системы в целом объективно снизилась, субъективно его амбиции значительно выросли, так как в мире теперь осталась только одна сверхдержава. В этих условиях общие требования системы в определенный момент неизбежно должны были разойтись с действиями одного национального государства, вставшего во главе нее. Именно в этом контексте следует рассматривать «Америку на распутье», так как разрыв Фукуямы с неоконсерватизмом прошел как раз по границе между ними. В центре внимания книги — выпады против американской «исключительности», под которой он понимает доктрину, согласно которой «Соединенные Штаты отличаются от других стран, и можно быть уверенным в том, что, в отличие от всех остальных, они будут использовать свою силу разумно и справедливо». Это заблуждение, к распространению которого приложили руку Кристол и Кейган, утверждает он, оттолкнуло союзников и привело к серьезным просчетам в войне с Ираком.

Политически Фукуяма остается верен Штраусу. Но интеллектуальное влияние Кожева с его нарративом господина оказалось более глубоким. Вынужденный вследствие изменений в стратегическом ландшафте выбирать между этими двумя логиками, Фукуяма позволил своему разуму возобладать над чувствами. И если он распрощался с компанией неоконсерваторов, то это потому, что война в Ираке выявила генеалогическое различие между ними. По сути, его основные идеи всегда были европейскими, а их — нет. Кожев, считавший создание наднациональной Европы основной задачей глобализующегося капитализма, а не ограниченного национальными рамками социализма, пришел, вопреки своим первоначальным ожиданиям, к пониманию общей судьбы человечества. С другой стороны, для Штрауса, изначально преданного делу сионизма, режимы были по природе своей партикулярными: его не волновали универсальные схемы. Хотя он не был большим поклонником американского общества, он почитал отцов-основателей и воспитал горячо националистическую школу конституционных мыслителей. Разные предпочтения сторонников неоконсерватизма восходят к разным «предкам».

Не то чтобы одна из сторон отвергала идеи другой, ведь у них есть общая основа. Скорее, раскол вызван самим способом объединения на основе про-

стого равновесия между ними. Крестол и Краутхаммер могут быть американскими патриотами, но они, прежде всего, преданы делу распространения капиталистической демократии во всем мире: в этом отношении немногие универсализмы столь же агрессивны, как их собственный. И наоборот, Фукуяма может критиковать американскую исключительность, но он никогда не отказывался от национальной составляющей своего наследия. Не случайно его новый журнал называется *American Interest*. Краутхаммер называет свое мировоззрение «демократическим реализмом», а Фукуяма характеризует свои взгляды как «реалистическое вильсонизанство». Игра слов? Не совсем так. Скорее, дело в перестановке, когда существительное указывает на главное, а прилагательное — на второстепенное. Для большинства неоконсерваторов американская сила — двигатель свободы во всем мире: и здесь нет и не может быть противоречия. С точки зрения Фукуямы, такое сочетание не является обязательным. Они могут очень сильно разойтись — и ничто так сильно не способствует этому расхождению, как заявления о том, что оно невозможно из-за необычайной американской добродетельности, которые вряд ли способны кого-либо убедить. Как он говорит: «идея о том, что действия Соединенных Штатов на мировой арене непредвзяты, ни у кого не вызывает доверия, потому что она не является и даже не может быть истинной, если американские лидеры выполняют свои обязательства перед американским народом. Соединенные Штаты могут действовать во благо всего мирового сообщества, и они всегда были очень великодушны, когда их идеалы и собственные интересы совпадали. Но Соединенные Штаты — это также крупная держава, имеющая интересы, не связанные с благом мирового сообщества». Отрицание этой очевидной истины ведет к политике, которая вредит американским интересам и не приносит пользы остальному миру: достаточно вспомнить Багдад.

Как они могут быть согласованы? Фукуяма остается полностью преданным американской миссии распространения демократии в мире и использования для этого всех имеющихся в распоряжении у Вашингтона средств. Он критикует администрацию Буша за то, что ее политика на Ближнем Востоке была не только неэффективной, но и контрпродуктивной. Содействие внутренней смене режима при помощи точного сочетания экономического и политического давления — это одно. Военные действия, навязывающие его извне, — это другое, и они ведут к беде. На самом деле в имперском репертуаре между ними нет какой-то четкой границы. Фукуяма забывает об успешном свержении сандинистов в Никарагуа, крупным специалистом по истории которого является Роберт Кейган, — триумфе политической воли, который — тут можно быть уверенным наверняка — Фукуяма приветствовал в прошлом. Сегодня, после Ирака, он озабочен тем, чтобы дистанцироваться от таких форм активности. Теперь он объясняет, что нет никакой всеобщей жажды свободы, гарантирующей появление демократии везде, где общество освобождается от тирании. Современная свобода обычно требует определенного уровня социального и экономического развития, а также традиций, необходимых для ее поддержания. Они не могут быть созданы сразу; их нужно

тщательно возвращать в течение многих лет. При этом неолиберальные рецепты, опирающиеся на одни только рыночные стимулы, не могут обеспечить порядка и процветания. Для них необходимо сильное государство, способное к «надлежащему управлению, и разумная американская политика в более опасных частях света должна способствовать созданию такой государственности перед переходом к демократии.

При таком пересмотре Фукуяма калечит свою первоначальную конструкцию. «Конец истории и последний человек», говорит он, на самом деле был упражнением в теории модернизации. Речь тогда шла о том, что стремление к более высокому уровню жизни — не к свободе — было универсальным и что оно создавало средний класс, который пытался принять участие в политической жизни, а демократия в конечном итоге оказывалась побочным продуктом этого процесса. Эта банализация сложных философско-исторических рассуждений направлена не просто на упрощение основной идеи для понимания более широкой публики; она предполагает определенное выхолащивание. В работе, которая сделала Фукуяму знаменитым, двумя двигателями истории были стремление к признанию и желание, ведущие, соответственно, к борьбе за равенство и развитию науки. Связь между ними в теории никогда не была установлена окончательно, что привело к спорным выводам. Но в структуре повествования в целом оценка их соответствующего значения у Фукуямы была однозначной; «желанием, что лежало в основе желаний» человека экономического, был «полностью неэкономический мотив — борьба за признание». В политической диалектике осуществлялось раскрытие «первичного двигателя истории человечества». Мир идей Александра Кожева очень отличался от мира идей теоретиков модернизации, вроде Дэниела Лернера и Гэбриела Алмонда.

Возможно, к неловкому положению, в котором теперь оказался Фукуяма, привела его теория борьбы не на жизнь, а на смерть. Гегель и Кожев — каждый в свое время (Йена, Сталинград) — были философами войны. Их наследие слишком спорно для проведения границ между вновь обретенной политической прозорливостью, отстаиваемой Фукуямой, и демократической гипоманией его бывших друзей из *Weekly Standard*. Банальности теории модернизации более безопасны. Но за это придется заплатить, снижая интеллектуальную планку до «Национального строительства 101» — не слишком ироничное название одной из недавних статей Фукуямы. В роли заурядного социолога он просто некомпетентен. Даже в его критике рецептов свободного рынка для развития бедных стран и его призывах к созданию сильной государственной власти прослеживается влияние Гегеля: идея государства как носителя рациональной свободы. Но советы, которыми заканчивается «Америка на распутье», — более широкая опора на мягкую силу, более широкое обсуждение с союзниками, уважение к международным институтам — это набившие оскомину трюизмы, встречающиеся в передовицах всех «здравых» газет и журналов в Америке. О них можно сказать только то, что они предлагают внешнеполитическому истеблишменту выработать общий взгляд для обеих партий: агитировать за Керри, разделяя взгляды Бжезинского, кото-

рый, кстати, вместе с Фукуямой значится в числе редакторов *American Interest*. На этих страницах нет и намека на сомнение в необходимости роста числа военных баз во всем мире или господства Соединенных Штатов на Ближнем Востоке, не говоря уже о симбиозе с Израилем. Все, что привело Америку к 11 сентября, оставлено здесь без изменений.

Чтобы увидеть огромный разрыв между этим стратегическим «органчиком» и по-настоящему критическим взглядом на американскую внешнюю политику со стороны мыслителей, которые по праву могут быть названы «реалистическими», достаточно взглянуть на выдающуюся статью Джона Миршаймера и Стивена Уолта об израильском лобби в *London Review of Books* (примечательно, что она не была опубликована ни в одном американском издании). Начав свою книгу словами о Вильсоне, принесшем «благую весть демократии» народам земли, в конце Фукуяма говорит, что Бисмарк, зная, что нужно быть сдержанным в час победы, побудил его выработать «для Соединенных Штатов иной подход к остальному миру». Нетрудно представить, что сделал бы «железный канцлер», имевший мрачное чувство юмора, с его «четырнадцатью пунктами». С такими рецептами — от Фукуямы и многих других — Америка сегодня не стоит ни на каком распутье. Она продолжает заниматься созданием квадратного круга филантропии и империи.